

Содержание

Что такое «Россия 2062»? Вместо предисловия.....	7
Введение. Россия 2062 — практическая утопия.....	9
Глава 1. Культура будущего: преодоление расчеловечивания и сотворчество как основное свойство человека	14
Арсений Симатов	17
Эдуард Бояков	31
Вихрь истории, или Как рождается возможность конструировать будущее	42
Глава 2. Экономика заботы. Попечители вместо инвесторов....	44
Оксана Осинина	47
Ольга Стрижибикова	62
От экономики потребления к экономике гармонизации	75
Глава 3. Новые земства. Местные сообщества деятельных людей как главное полезное ископаемое России	80
Анна Панихина	83
Рамиль Муллин	93
Мы здесь власть	113
Процветающее государство может состоять только из процветающих муниципалитетов-земств	115
Глава 4. Русская корпорация как имя нарицательное.....	122
Сергей Иванов.....	124
Евгений Федоров.....	136
О русской корпорации и что такое настоящее устойчивое развитие	143
Глава 5. Сельская школа как драйвер развития территории и как нам обустроить наше среднее образование	150
Владимир Мартышин	152
Наталья Водополова.....	171
От глобального к локальному: о местной экономической жизни	184

Глава 6. Как устроить практический сеанс общенациональной психотерапии	188
Полина Парфенова	191
Влад Пискунов	209
Максим Сырников.....	222
Как нам всем полюбить Россию, или О преодолении социального сиротства	232
Простить Ленина, простить Сталина, всех простить.....	234
 Глава 7. Семья как наивысшая точка творческой самореализации человека.....	238
Мария и Александр Поповы	241
Богдан Мамонов.....	258
 Глава 8. Декрет об уничтожении городов, или Почему мы уезжаем из мегаполисов.....	278
Борис Акимов.....	280
Илья Стороженко	287
Цивилизация малых городов как символ устойчивости и безопасности	300
Даю городу шанс.....	301
Как писатель и экономист Александр Чаянов придумал в 1920 году идею расселения мегаполисов	308
 Глава 9. Ответ Илону Маску. Освоение русской Арктики вместо Марса.....	312
Юлия Кореева	315
Влада Вальченко.....	323
 Глава 10. Великое переселение иностранцев в Россию	328
Бенджамин Форестер	330
Джейсон Силуан Кристофер Кэмбел	338
Даниэль и Мира Хартвигсен	346
 Россия 2062. Манифест. Вместо послесловия	354

Что такое «Россия 2062»?

Вместо предисловия

Мы уверены, что будущее видят не футурологи, рассуждающие о роботах и беспилотниках, а те, кто здесь и сейчас, пусть пока и не очень заметно для окружающих, создают страну будущего.

История учит нас (но мы плохо учимся), что в конце концов всегда побеждают идеи, которые рождаются на границах принятого общественного дискурса, идеи-мутанты. Так всегда было. И современный капитализм, и социализм, и другие сильные теории возникали на окраинах актуального гуманитарного мейнстрима своего времени.

2062 год — это символическая дата. Считается, что в 862 году Рюрика позвали княжить на русскую землю. В далеком — но не слишком — 2062 году будет отмечаться 1200 лет создания русского государства. Как мы встретим эту знаменательную дату? Что нужно успеть сделать за ближайшие сорок лет, а может быть, гораздо быстрее?

Люди, бывает, мечтают о своем юбилее, а мы вот решили задуматься сразу обо всей стране — какой хотелось бы видеть ее через сорок лет? И отправились в путешествие по России нынешней, чтобы познакомить вас с удивительными людьми, которые своей работой и самой жизнью показывают, как могла бы жить Россия. Страна, которая предложит своим жителям, да и жителям всего мира, особый новый путь. Путь гармонии и заботы.

Вместе с нашими героями мы пишем манифест России будущего, России мечты, России 2062 года. И каждая новая глава этой книги — новый тезис манифеста. Просто, не без самоиронии мы постараемся говорить на очень серьезную тему: как нам обустроить Россию.

Введение

Россия 2062 — практическая утопия

Однажды автор этой книги Борис Акимов написал открытое письмо другому автору этой книги, Олегу Степанову, и другим людям доброй воли.

Дорогой Олег и прочие сограждане России будущего!

В последнее время мы с тобой, дорогой Олег, очень много и часто говорим о будущем. Но не о банальной футурологии (повсеместная онлайн- и удаленная работа, телемедицина, исчезновение национальных государств и проч., к чему в сегодняшнем мире имеются очевидные предпосылки), а о том русском будущем, которое мы хотим видеть для себя, своих близких, для всех жителей России. Да что мелочиться — для всего мира. О том, что правильного, хорошего, славного хотелось бы увидеть в этом самом будущем.

Мы любим сидеть на кухне, выпивать и спорить, как полагается русскому человеку. А тема про желанное русское будущее идеальна для застольных бесед. Поэтому мы делаем это с большим удовольствием. Но ведь просто выпивать под разговоры скучно — и мы действуем. Собрали и продолжаем собирать вокруг себя людей, которые уже сейчас в своей практической жизнедеятельности показывают, что такое та самая Россия будущего, желанная и любимая.

Мы хотим жить в России, чье население не сконцентрировано в мегаполисах, а равномерно распределено по большой территории.

Сейчас в нашем сообществе «Счастливые» в Ярославской области несколько сот человек. И процентов восемьдесят из них — переселенцы из Москвы и других больших городов. Вокруг меня, в моей деревенской глуши, жизнь бьет ключом. Стороженко печатают пряники, Морев возрождает

крокет, Вавиловы открыли бухгалтерскую компанию, Ларин конструирует сложные модели заводов. Эти люди сбежали из города и с удовольствием и драйвом реализуют себя на заброшенной еще недавно земле.

Мы хотим жить в России, привлекательной не только для своих жителей, но и для всего мира. В ближайшее время из США в Ярославскую область должны переехать 70 американцев. Наташа и Стивен Уильямс уже переехали из Англии и удивили всех цветочной фермой, а Джозеф Глисон — из США и стал православным священником. Жиль Вольтер из Франции открыл кондитерскую, еще один француз, Фредерик, — кондитерский цех. Немки Ани и Гудрун запустили экокемпинг, швейцарец Бенджамин превратился в пасечника Вениамина. И таких примеров только в одном отдельно взятом Переславском районе — не один десяток.

Мы хотим жить в России, в которой были бы такие школы, что дети, проснувшись утром, счастливые бежали бы учиться. А учителя передавали бы им самое главное в учебе — счастье от активного творческого познания мира. Чтобы дети чувствовали себя как когда-то первооткрыватели и просто не могли не познавать мир вокруг. Наташа Водополова совсем недавно уехала из Москвы и вместе с активными участниками нашего деревенского сообщества открыла школу мечты. Школу будущего. Это уже реальность.

Мы хотим жить в России, где многодетность будет нормой. Но не потому, что дети нужны для помощи по хозяйству — как в симпатичные, но навсегда ушедшие времена. И не потому, что к многодетности нас призывают государственные программы финансового поощрения — хотя, конечно, куда без них. Мы хотим, чтобы рождение и воспитание детей было вершиной союза мужчины и женщины, высшим проявлением любви и творчества двух человек. Без этого технологии уведут деторождение из семьи в лаборатории и институт семьи исчезнет за ненадобностью. Александр

и Мария Поповы переехали в деревню под Угличем, расставшись с биофаком МГУ, и уже произвели на свет девятерых детей, потому что видят в семье, рождении и воспитании великую возможность для проявления совместного человеческого творческого начала.

Мы хотим жить в России, где экономика бесконечного потребления, лишаящая человека национальной, культурной и даже половой идентичности, оставляя единственную — «потребитель», сменится экономикой заботы, и экономическая эффективность будет измеряться не ростом ВВП, а тем, сколько гармонии привнесено в мир. Нужно перестать гнаться за бесконечным ростом, направить усилия на социальную, культурную и экологическую гармонизацию страны и планеты. И есть такой пример в масштабе Киржача: бизнесмен Евгений Федоров единолично преображает свой родной город, вкладывая в него прибыли собственного местного предприятия.

Мы хотим жить в России, где местные сообщества, состоящие из творческих и предприимчивых людей, будут брать на себя ответственность за землю. Тогда забудут о патернализме, и каждый начнет менять страну к лучшему — со своего подъезда и своей улицы. Крепкое местное сообщество должно быть основано на любви к малой родине. А другая сторона любви — ответственность. Любим — значит несем ответственность. Мы сами можем открывать школы, строить дороги, возрождать свои деревни и города. Панихины, в один день сбежавшие из Москвы с десятью тысячами рублей в кармане, построили столярный бизнес с нуля, а дальше взялись за преображение окружающей среды: с сотней местных и новых местных жителей начали восстанавливать старинные дома в центре Переславля — ради улучшения городской среды и сохранения провинциального культурного наследия. Собственными силами и на свои средства.

Есть такая очень мною любимая организация — Slow Food. Когда-то итальянская, а сейчас уже международная, она защищает и поддерживает местных малых ремесленных производителей и фермеров. Всячески помогает сохранить и приумножить сельские и гастрономические традиции. В документах этой организации отсутствует слово «покупатели», их называют «сопроизводители». Ведь каждый день покупая еду, мы поддерживаем то или иное производство. Можем купить местный продукт и поддержать фермера в его желании сохранить вымирающий сорт растений или местную породу, вырастить овощи без пестицидов. А можем вложить деньги в то, что отравляет почву, уменьшает биоразнообразие и убивает маленький бизнес. Мы — сопроизводители. И те люди, которые здесь и сейчас строят свою собственную как-то иначе устроенную Россию, проявляют гражданскую позицию, непохожую на то, что от нас требует глобальный мир эффективности. «Сопроизводители», сограждане новой России строят будущее страны и уже в нем живут. Чем больше будет таких сограждан — тем быстрее мы все окажемся в России будущего, где хочется быть, жить и творить.

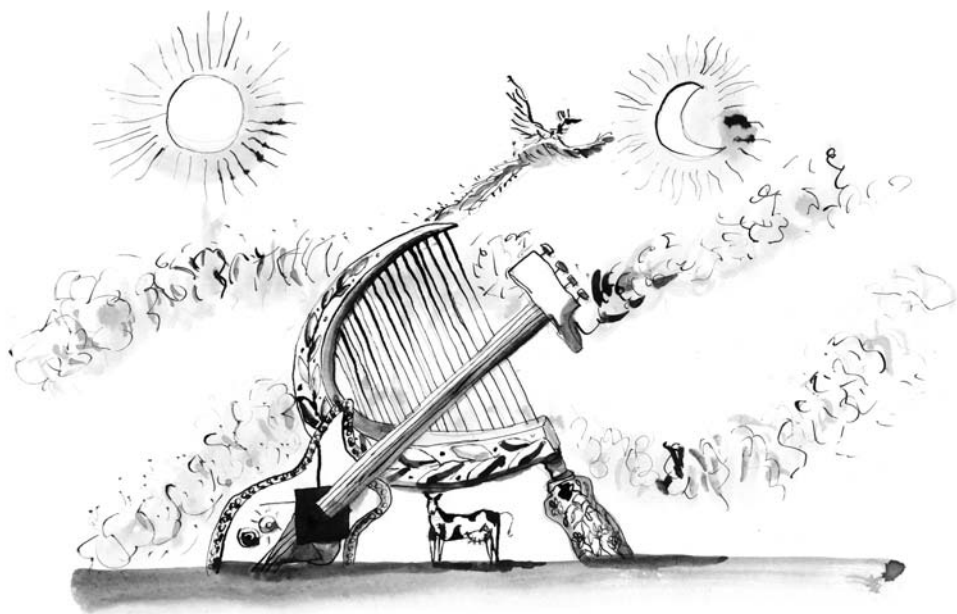
Мы придумали для этой футуристической и одновременно очень практической картины мира название «Россия 2062». «Россия 2062» — это все те люди, которые взяли на себя ответственность за жизнь маленького окружающего их мира. Мы с этими ребятами — уже сограждане России 2062.

2062 год наступит через сорок лет, а это нескоро, можно спокойно рассуждать о будущем и строить его, не смущая тех, кто мог бы заподозрить сограждан этой полусказочной России в каких-то сиюминутных выгодах и амбициях.

Олег, в будущее возьмут не всех!

1 ГЛАВА

**Культура будущего:
преодоление
расчеловечивания
и сотворчество
как основное
свойство человека**

— Что есть история, — спросили меня профессора.
— История, — ответил я, — есть описание борьбы добра и зла, ведущейся руками человеков.
— Что же по-вашему можно считать историческим событием? Я же, не умедлив ни на мгновение, сказал: «Таковым можно считать всякую победу одной силы над другой, поскольку соотношение сих побед и поражений определяет духовное состояние народа».

Евгений Водолазкин. *Оправдание острова*

Придумав проект России будущего, мы с самого начала решили, что это будущее будет таким, как хотелось бы именно нам. Это эгоистично, конечно, зато правда. Когда-то в журнале «Афиша» был такой слоган: «Как скажем, так и будет». И в проекте будущего для всей страны мы этим наглым слоганом и руководствуемся. И почти сразу мы, как бородатые Маркс и Энгельс (мы тоже бородатые), задумались о своем манифесте, только не партии, а русского позитивного и конструктивного будущего для всех. В общем, о том, как нам обустроить Россию и заодно весь мир. Звучит, конечно, до ужаса претенциозно и нагло, но вот такие мы наглые.

Мы писали-писали манифест, а потом все же решили, что надо подождать, поднабраться ума-разума и пообщаться с экспертами — с теми, кто строит русское будущее здесь и сейчас... Так и родилась эта книга. Ее главы — тезисы о том, как нам обустроить Россию. В процессе работы мы разговаривали с делателями будущего и всякий раз вспоминали первые пункты проекта нашего манифеста и убеждались, что менять там нечего. Наши герои прямо-таки олицетворяют своей жизнью пункты с первого по третий:

«Роль человека в мире. Бог создал людей по образу и подобию своему. Каждый человек подобен Творцу и раскрывается как полноценный человек в активном земном творчестве. Мы не пешки в жизни, а сотворцы Бога»;

«Какова должна быть главная цель общественного устройства? Обеспечение максимально возможных условий

творческой самореализации каждого человека и достижение счастья через активное сотворчество»;

«Важно сохранить человека как активного сотворца жизни в сплетении множества характеристик, идентичности, индивидуальных, социокультурных особенностей, сложившихся за сотни и даже тысячи лет. Традиционные культурно-социальные, национальные, половые, языковые и иные идентичности — это основа многообразия мира, залог возможности сохранить сложные ткани человеческого устройства, залог творческой самореализации, права на свободу быть тем, кто ты есть, иметь возможность гордиться тем, кто ты есть. Мы хотим жить в таком мире — в мире истинного традиционного разнообразия». Довольно длинно, пафосно, но, по-моему, очень круто сказано, между прочим. Сам себя не похвалишь — никто не похвалит.

Олицетворять наш тезис о сотворчестве как главной цели человеческого бытия и необходимости остановить расчеловечивание будут два героя этой главы. Искусствовед Арсений Симатов когда-то ушел из Третьяковской галереи, чтобы заняться экстремальным искусствоведением, как он сам это называет. Он путешествует пешком и автостопом за искусством и в чистом поле или на берегу моря читает онлайн-лекции о памятниках архитектуры. Но не о «парфенонах и колоннадах», а о «деревенских храмах и избах».

Кроме того, он участник группы «Под облаками», фольклорно-философско-музыкального творческого объединения, и организатор фестиваля «Фолк-кемп» в Архангельской области, куда приезжают настоящие энтузиасты русского настоящего, не попсового фольклора.

Арсений считает, что в современном мире утрачивается внимание к красоте, он пытается это исправить. А мы в своем манифесте как раз говорим о том, что главный смысл жизни человека и человечества — быть сотворцами Богу, вносить гармонию во все проявления жизни и приумножать красоту.

Второй герой главы — Эдуард Бояков — театральный режиссер и продюсер, создатель театра «Практика» и фестиваля «Золотая маска». Человек, который на некоторое время вернул настоящую бурную и даже по-хорошему буйную жизнь во МХАТ Горького.

Для нынешней России и для России 2062 важно, что Эдуард сумел соединить радикальные формы современного творческого поиска с традиционным содержанием русской культуры.

Мы не стесняемся разговоров о высоких материях и о самом важном — о смысле жизни, в частности творческой. Да что уж там, поговорим о Боге и о человеке.

Мы обсудим с Эдуардом важнейшую для русской культуры и искусства тему конца эпохи модерна и постмодерна и выхода в новую эпоху, в которой прекратится расчеловечивание и человек вновь обретет смысл.

Арсений Симатов

«Брейгеля давным-давно нет, но ты в XXI веке подходишь к его картине, и она отвечает на твои вопросы. Это что-то живое, самостоятельное, что может с тобой общаться через эпохи. Древние мастера зарождали своим творчеством новую жизнь. И я уверен, что эта способность человека напрямую связана с его религиозностью. Потому что, если для него Бога не существует, Он не источник красоты, не источник всего, не ориентир, у такого человека постепенно эта возможность вытраивается на генном уровне».

Искусствовед Арсений Симатов пешком и автостопом уже дважды пересек всю страну, дошел от Москвы до самых до окраин, читая онлайн-лекции в полях и лесах. Для нашего проекта будущего Арсений важен как автор идеи того, как исчезновение Бога из ежедневной повседневной жизни привело к деградации эстетической сферы.

Степанов: Вы удивительный человек: искусствовед, который пешком отправился от Москвы до Владивостока, читая лекции об искусстве. Зачем?

Симатов: Я много куда ходил, не только во Владивосток. К тому же не совсем пешком.

Акимов: Не совсем во Владивосток, не совсем пешком... Еще скажите, не совсем искусствовед.

Симатов: Да, много «но». Начать с того, что путешествия мои — автостопные. Уже второй год езжу по России: сначала из Москвы добрался до Сахалина, потом два месяца колесил по Русскому Северу, а совсем недавно завершил свой большой, продолжительностью в сто десять дней, проект Москва — Владивосток. При чем здесь искусствоведение? Занимаюсь им много лет, еще со школы, а то и раньше. Помню, как в четыре года бегал в колготках по залам музея Востока, где всю жизнь работает моя мама. Получил соответствующее образование и сейчас занимаюсь проектом, который называется «Экстремальное искусствознание». Еду автостопом по России и веду блог, в котором рассказываю об увиденных мною архитектурных красотах и просто о том, как люди живут.

По сути, мой проект — это попытка рассказать об искусстве нашей страны. Параллельно еще и этнографией занимаюсь. По ходу дела записываю каких-то бабушек, гармонистов, в староверские села захожу. Ведь идея «Экстремального искусствознания» совершенно альтруистическая: я уверен, что мир наполнен красотой, именно она его главная описательная категория. Еще первые строки Библии, Пятикнижие Моисея об этом говорят: «И увидел Бог, что это хорошо». Мне кажется, в последнее время люди все меньше обращают внимание на эту сторону жизни, существуют, словно по наложенным рельсам идут, а созерцание становится для них очень сложным, трудозатратным процессом. И мне от этого немножечко обидно, хочется что-то менять.

Степанов: Теперь красота — это какие-то конкурсы красавиц. А ведь на самом деле она в другом. Николай Федорович Федоров говорил, что задача человека — все Богом данное превратить в трудовое. Урожай, например, он за счет труда получен, еда — за счет труда, деторождение, воспитание... Вся жизнь через труд должна быть приведена к гармонии.

Акимов: Расскажите про эту самую трудовую красоту, которую вы встречаете в путешествиях.

Симатов: Они порой длятся по три-четыре месяца, и каждый день я вижу много интересного. В Сибири, например, сохранились памятники деревянной и храмовой архитектуры XVII–XVIII веков, которой я увлечен последние несколько лет. И конструктивизм советский обожаю, эти огромные новые города, строившиеся для новых людей, и рядовую застройку XIX века. Когда мы говорим о путешествиях за архитектурой, то сразу представляем себе какой-нибудь там Парфенон, соборы готические, египетские пирамиды. А меня очень интересует архитектура рядовая, зачастую создававшаяся без какого-либо проекта и способная очень многое рассказать о народе, в котором она появляется, о человеке, как о творческой единице, рождающей что-то новое. Безумно интересно осмысливать, как этот процесс в нас и в обществе в целом формируется, протекает.

Вот вы приезжаете в Петербург и идете в Зимний дворец. Пошли, посмотрели, да, Растрелли — гений! А я наблюдаю, насматриваю огромные километры архитектуры рядовой, на которую обычно никто внимания не обращает. Но на самом деле она очень качественная, принципиально отличается от того, что сейчас у нас строится. Когда смотришь на сохранившиеся в деревнях избы и храмы, понимаешь, в каком регионе как люди думали, как они себе мир представляли. Вот интересно, забор из профнастила — он что говорит? Я считаю, что в аду есть специальное место для двух персонажей: для того, кто придумал сайдинг, и для того, кто изобрел

профнастил. С художественной точки зрения они меняют все. Когда дом обшивают сайдингом, во-первых, нарушаются пропорции, во-вторых, очень часто выкидываются наличники. Это беда. А если мы говорим про деревни Русского Севера, там еще раньше, в шестидесятых — восьмидесятых годах, когда шифер и листовое железо стали доступны, разбирали старые, серые тесовые крыши... Помните, ребенком сидите вы дома и слушаете, как барабанит по железу дождь... А как он прежде по доскам шуршал? Это же здорово! Так вот, когда снимали весь этот тес, снесли вместе с ним целую сложнейшую систему перекрытия здания. Все, что мы знаем из иллюстраций Билибина про Русский Север, — охлупни с конями, тесовые крыши, система водостоков, где каждая деталь обыгрывалась художественно, — всю эту красоту, к сожалению, поносили.

А в других регионах России одной из самых важных деталей крестьянского дома и всей усадьбы были ворота с калиткой. Огромные, мощные двери, украшенные потрясающей резьбой, а иногда просто очень красивые сами по себе, по своим пропорциям. Ворота организовывали все пространство, проводили важную черту, отделявшую твой мир от внешнего, позиционировали тебя как хозяина. Потому что люди шли и смотрели, какие у тебя ворота.

Так было раньше и в маленьких русских городах, в Подмосковье. В детстве ездил с бабушкой, дедушкой и родителями в деревню под Зарайском, это юг Московской области, совершенно прекрасный город. Я постоянно там бываю и наблюдаю, как он за тридцать два года моей жизни меняется. В детстве идешь — ворота, ворота, ворота. А сейчас их сносят, убирают, меняют на профнастил... Лицо меняется у хозяина, трансформируются отношения между человеком и его пространством, между домом и человеком, как он к нему относится, что от него хочет получить. И очень важно, как он через это выстраивает свои отношения с обществом. Поставил,

зараза такая, трехметровый забор у себя, ты же этим позиционируешь: «Ребят, вы все уроды, я вас видеть не желаю и не хочу, чтобы вы меня видели». Извиняюсь за столь резкие выражения, но, по сути, человек говорит миру: «Ты мне не нужен, я хочу от тебя отгородиться».

Степанов: Перелезут, обворуют, побьют.

Симатов: Ой, страх — это отдельная история. Путешествие автостопом — мощнейшее, подробнейшее социальное исследование о том, как люди относятся к окружающим. Вот представьте: едете вы на машине в дождь, в снег или жару и стоит на обочине человек с поднятой рукой. Очень интересно следить за тем, кто останавливается, чего они от этой встречи ждут. Возможно, хотят поговорить, чтобы не заснуть, или получить от путешественника какую-то информацию. Я езжу автостопом очень давно, года с 2010-го, и наблюдаю, что в последнее время все очень сильно меняется. Все меньше и меньше берут. Кстати, в первое мое сахалинское путешествие, когда ковид только начинался, более-менее останавливались. А в последнем прям тяжело было. Когда вы проезжаете мимо человека, понимая, что на улице минус тридцать, ну, как-то... Городские жители никогда не останавливаются по пути на дачу. Самое плохое — оказаться в пятницу вечером на трассе под большим городом. Никто не возьмет. Под Москвой никто не берет.

Тут еще один важный момент. Вспоминаю свое московское детство: мы со старшим братом совершенно спокойно все время проводили во дворе, могли ходить по городу, ездить в школу. А сейчас родители своих детей чуть ли не до пятого класса одних не отпускают. Сами возят, водят за ручку, следят за ними...

Степанов: Это социальная дисгармония, на самом деле.

Симатов: Это страх! Люди боятся, они постепенно разделяются. Это все заборы. Дети, которые все меньше гуляют во дворах, потому что родители за них боятся.